

902.6

Г-85

Гриневая К. Э.

Опыт методики
археологической науки.

1926г.

962.6
Г-85

ИЗ КНИГ
С.И. Григорова

Проф. К. Э. ГРИНЕВИЧ
ДИРЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

962.6
061

ОПЫТ МЕТОДОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

==== посвящается КЕРЧЕНСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
1926 ГОДА И КЕРЧЕНСКОМУ МУЗЕЮ
ДРЕВНОСТЕЙ (1826—1926) ====

ВЕРЕНО

Российский Институт культурного
и природного наследия
Библиотека

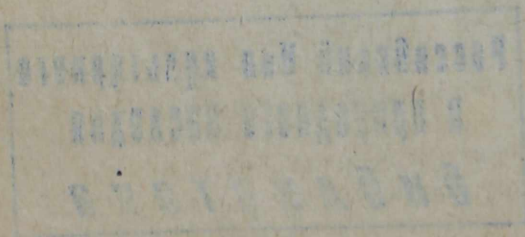
БИБЛИОТЕКА
2 И М 1674

1926

+ 379.44 (с) 77 (с) 264 + музей

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение. Определение понятий. История науки	3
Список пособий общего характера	6
Глава I. МЕТОДЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ РАЗЫСКАНИЙ	7
Пример 1. Олимпия	12
Пример 2. Троя	19
Пример 3. Городище Тамани. Вопросы археологической топографии	19
Глава II. МЕТОДЫ РАСКОПОЧНОГО ПРОЦЕССА	27
Пример 1. Олимпия	34
Пример 2. Раскопки Трои	43
Пример 3. Раскопки Ольвии	43
Глава III. МЕТОДЫ НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ	50
Пример 1. Раскопка могильника	50
Пример 2. Обломок аттической краснофигурной котилы с изображением Аполлона из Керчи	52
Заключение	55

ВВЕДЕНИЕ

I

Предлагаемая вниманию работа выросла из преподавательской деятельности в Ленинградском Университете и написана для тех, кто интересуется анализом поступательного хода вперед человеческой мысли в области исторических наук. На восьми примерах, взятых из области последних достижений истории материальной культуры на Западе и у нас, автор показывает метод добывания и последующей научной обработки исторических фактов материальной культуры. Так как наше научное мировоззрение основывается на историко-социологических фактах, добытых именно историческими науками, то поэтому всем нам не бесполезно заглянуть в лабораторию ученого-исследователя, где куются эти выводы историко-социологического анализа. Ознакомление на примерах с этой лабораторной, черновой работой ученых и составляет содержание настоящей книги. По свойству материала „Опыт“ распадается на три части. В первой говорится о методах предварительных разысканий, во второй—о методах нахождения памятников (исторических фактов), в третьей—о научной их обработке (интерпретации).

В качестве примера, иллюстрирующего методы предварительных разысканий, мы берем разведки в Олимпии,— пример, в котором ученые разных наций оперировали с maximum'ом предварительных данных, определенных, проверенных и датированных. Далее, вторым примером берем предварительные научно-исследовательские разыскания в Трое, третьим—построения в области археологии Таманского полуострова, когда археолог мог руководиться меньшим количеством предварительных данных, большею частью притом неопределенного и противоречивого характера.

Методы раскопного процесса иллюстрированы „классическими школами“ раскопок—олимпийскими, троянскими и ольвийскими раскопками. В качестве иллюстративного материала в третьей части взяты два примера из неизданного материала: анализ одной керченской гробницы, раскопанной автором (пример сложной датировки), и анализ обломка вазы. Эти примеры дают образцы описания, измерения, анализа стиля, техники и датировки.

К сожалению, автор был лишен возможности иллюстрировать свое изложение рисунками.

II

Пытливый человеческий ум изучает окружающую его действительность не только в смысле постижения современного ему состояния земного шара, как это делают физики, антропологи, географы и натуралисты, но и в смысле временном, изучая далекие эпохи, скрытые в тумане прошлого. В этом направлении стимулом его деятельности является то вложенное в нас чувство любознательной пыливости, которая стремится постичь прошедшее во всем его разнообразии.

Но как постигать, чтобы результатом постижения были, не выдумки-фантазии досужего ума, а истина, т.-е. соответствующая былой действительности картина древней жизни?

История, наука о прошлом, чрезвычайно много посвящает этому вопросу и времени, и сил. В результате была создана специальная наука— „методология истории“, исследующая те методы, которые приводят к истине.

От истории, под которой обычно подразумевают „историю культуры“, а чаще— „историю политическую“,—от истории необходимо отличать археологию, тоже науку о прошлом; но она исследует только материальные памятники прошлого и на них строит исторические факты. Поэтому в последнее время у нас, в СССР, ее называют обычно „историей материальной культуры“—термин длиннотный и не совсем ясный.

Как слово, состоящее из двух греческих слов— „ἀρχαῖος“ и „λόγος“,—археология уже издавна понималась как „наука о древностях“, т.-е. изучение всевозможных вещественных памятников древнего происхождения. Платон, известный греческий философ,

употребляет этот термин в смысле „истории прошедших времен“, т.е. не отделяет археологии от истории. Целый ряд древних авторов точно так же понимают нашу науку¹. Средневековое мирозерцание не благоприятствовало развитию такой чисто исследовательской „мирской“ науки, как археология, и только в конце XVIII века, под влиянием отчасти просветительной литературы, отчасти безраздельно царившего тогда ложноклассицизма, археология получила толчок к бодрому и быстрому движению вперед. Прогресс археологии связан с именем Винкельмана. Не перечисляя всех заслуг этого замечательного пионера в нашей области, укажем только на определение им границ области изучения искусства с исторической точки зрения и сознательное употребление им метода стилистического сравнительного анализа в деле исследования памятников древности.

Здесь, можно сказать, впервые было осознано значение изучения вещественных памятников (т.е. археологии) в области истории искусства и отсюда будет понятно то сужение понятия „археология“, которое возникло с 30-х годов прошлого столетия. А именно, в Германии в 1830 г. вышла в свет работа известного немецкого ученого К. О. Мюллера „Handbuch der Archäologie der Kunst“, в которой автор имеет в виду исключительно историко-художественную археологию древнего мира, а если мы перелистаем эту работу, то убедимся, что перед нами обычная, но одна из первых „Историй древнего искусства“ с несколько иным расположением материала.

Вот что говорит об археологии проф. Кёпп в 1 томике „Archäologie“ (Sammlung Göschen № 538, стр. 5. Lpz. 1911): „Удивительным, только при употреблении понятным словом „археология“ называют у нас, в Германии, научное изучение художественных памятников древности“. Значит, все памятники, не входящие в понятие искусства, но говорящие о состоянии культуры данного народа в данный период, а также все вопросы археологической топографии, в силу этого определения должны исключаться из круга ведения этой науки. Конечно, с таким определением понятия археологии нельзя согласиться².

Французские и наши ученые были далеки от такого сужения этого понятия. В 1835 г. вышла в свет книжка французского ученого Caumont — „Abécédaire ou rudiments d'archéologie“. Здесь автор широко понимает термин „археология“ и вводит в это понятие изучение всех вещественных памятников.

Русские ученые дали целый ряд оригинальных определений понятия археологии, из коих приведу два.

И. Сахаров в статье, помещенной в „Записках отделения русской и славянской археологии Русского Археологического Общества“, т. I, СПб. 1851, стр. 3—80, так определяет объем и содержание археологии: „Есть, говорит он, археология исчезнувших и археология существующих народов. Первая отыскивает следы древних идей и народных верований, угадывает в жизни погасшего народа одну творческую силу, составляет его историю, за неимением летописей и актов, из обломков протекших веков. Все ее источники заключаются в подземном мире, где сокрыт прах первобытных народов с их памятниками... Вторая судит о былой жизни существующих народов по наличным памятникам, свидетельствует о веровании по уцелевшим храмам, рассуждает о народных средствах и нуждах по зданиям, открывает нравы и вкусы в домашней утвари, измеряет быт его в определенных границах, указанных историческими событиями. Ее источники находятся в летописях, актах, наличных памятниках и в открытиях подземного мира“. В этих словах И. Сахаров проводит знак равенства между археологией и историей культуры, при чем последнее понятие у него включает в себя понятие истории.

Несколько иные задачи ставит археологии И. Забелин. В статье „В чем заключаются основные задачи археологии, как самостоятельной науки“³ он говорит, что археология имеет свой особый, определенный и самостоятельный предмет познания. Это — единичное творчество человека в бесчисленных и разнообразных памятниках — вещественных

¹ Цицерон, Плиний, Дионисий Галикарнасский, Иосиф Флавий, Теренций Варрон, блаж. Августин, блаж. Иероним.

² В таком узком понимании этого слова составлен объемистый труд проф. Зиттля (Sittl) „Archäologie der Kunst“ в серии руководств под ред. Ив. Мюллера.

³ Труды VIII Археологического Съезда, т. I.

и духовных. По мнению И. Забелина, основной задачей археологии является раскрытие и объяснение законов единичного творчества и путей, по которым это творчество воссоздает творчество коллективное-общественное, т.е. историческое.

Словом, задачей археологии является раскрытие и объяснение той живой, неразрывной связи, в какой постоянно находятся между собой творчество единицы и творчество целого рода или народа. Предметами археологического изучения, по мнению И. Забелина, являются: „пища, одежда, жилище, ремесла, мастерства, художества, промыслы и т. д.“.

Думается, вряд ли можно согласиться с таким определением нашей науки, — и не потому, что остаются вне изучения какие-либо группы археологических памятников, — нет, изучаются они все, — но потому, что вряд ли исчерпывается задача археологии этими заданиями. В этом отношении ближе к истине, на наш взгляд, К. Грузинский, который говорит¹: „Археология есть наука самостоятельная. Предмет ее исследования — остатки произведений физического труда человека под влиянием труда умственного, дошедшие до нас в виде вещественных памятников“.

К последнему определению нашей науки и мы примыкаем, так как оно, по нашему мнению, не позволяет, по примеру немецких ученых, суживать понятия и не позволяет ставить во главу исследований археологических вопросов предвзятые частные идеи.

Ставить знак равенства между терминами „археология“ и „история материальной культуры“ можно с такой неременной оговоркой, что под последним выражением надо понимать изучение исключительно вещественных памятников данного народа, и потом на основе этого изучения строить картину культуры преимущественно материальной.

Обычно разделяют археологию на два отдела: доисторический или первобытный и исторический². Основой деления является наличие письменности.

Как уже было сказано раньше, до XVIII века археология, как и целый ряд других гуманитарных наук, находилась почти в том же зачаточном состоянии, как и в эпоху Фукидида. По меткому выражению французского исследователя Деонны³, история археологии, как и всякой другой науки, знает три стадии своего развития:

1) „Стадия хаоса“ — до XVIII века; 2) XVIII век — эпоха кристаллизации, а также определения границ науки, ее объема и содержания, а также начало методологического ее изучения; 3) развитие науки после XVIII века.

Особенно за последние 75 — 100 лет археология сделала огромные шаги вперед. Назовем такие ее достижения, как раскопки Трои, Олимпии, Пергама, Дельф, открытие древне-вавилонской культуры и культуры древнего Египта. В нашу задачу не входит следить за развитием нашей науки и ее достижений, тем более, что за последние годы на русском языке вышел ряд превосходных пособий⁴, а на немецком языке есть почти исчерпывающая книга проф. Михаэлиса „Ein Jahrhundert kunstarchäologischer Entdeckungen“, существенным недостатком которой является полное игнорирование достижений археологии на русской территории. Между тем, у нас в СССР до 1915 г. включительно велось, и в довольно широком масштабе, археологическое исследование, научно-административным центром которого являлась Археологическая Комиссия, ныне преобразованная в чисто научную „Академию Истории Материальной Культуры“.

С 1916 г. вследствие военных чрезвычайных обстоятельств прекратилась у нас в СССР археологическая деятельность в государственном масштабе. В такую эпоху вынужденного бездействия, которую и доселе почти переживает археологическая наука

¹ К. Грузинский. — Археология и История (Древний Мир. 1902, № 1).

² См. А. С. Уваров. — Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? Труды III Археологич. Съезда, т. I, 21. В. А. Городцов. — Первобытная археология. Курс лекций. М. 1908.

³ Д е о н н а. — L'archéologie, sa valeur, ses méthodes. I—III. Paris, 1912.

⁴ Проф. В. Бузескул. — Введение в историю Греции. Пгр. 1915 (3 изд.).

Проф. С. Жебелев. — Древняя Греция. Часть I. Эллинизм. Пгр. 1920. Серия „Введение в науку“, в. VI.

Его же. — Введение в археологическую науку. Пгр. 1923 (2 части).

будет не лишним обратиться вспять, посмотреть на пройденный путь достижений, используя его как школу, где можно изучить методы или исследовательские приемы. На эту важную, чисто теоретическую часть нашей науки как-то доселе не было обращено должное внимание, и мы не имеем почти ни одного исследования, посвященного этому вопросу. Для избежания догматизма, а также в целях большей наглядности мы будем вести изложение методов археологической работы на целом ряде примеров, а при резюмировании выводов будет отведено место теоретическим умозаключениям.

Так как для выводов и построений общего значения необходим большой „опытный материал“, т.-е. материал, полученный путем опыта, то поэтому придется каждый метод иллюстрировать многими примерами.

Примеры взяты нами почти все из области классической археологии. На это имеются две причины: во-первых, почти только в этой области мы имеем раскопки в государственном масштабе и исключительного размаха; во-вторых—автор этих строк думает, что на изучении примеров, взятых из области классической археологии, легче проследить те методы, которые приводят к истине. Есть даже и третья причина, заставляющая брать примеры из этой области: эта работа создавалась в стенах русского университета и предназначается, как пособие для будущих русских исследователей. Перед нами очередной и насущной задачей встает необходимость продолжить ту великую культурную миссию открытия и изучения древностей греко-римского мира на юге СССР, а вместе с ними и древностей мира скифского, которая так неожиданно, на полдороге, была прервана событиями 1914—1917 гг. Думаем, что оправившееся от великих потрясений государство снова в состоянии организовать археологические раскопки, и тогда эта книжка послужит полезным справочником для избежания всех тех ошибок и неправильностей метода, которые были когда-либо допущены исследователями и изучение которых позволит сознательно их избегать и надежнее добиваться истинных результатов. Ибо археолог на своем знамени должен написать слово „Истина“ и должен стремиться к ней неуклонно.

СПИСОК ПОСОБИЙ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

- С. А. Жебелев.—Введение в археологию. Пгр. 1923.
А. Михаэлис.—Художественно-исторические открытия за сто лет. М. 1913.
A. Michaelis.—Ein Jahrhundert der kunstarchäologischer Entdeckungen. Lpz. 1908.
В. П. Бузескул.—Введение в историю Греции. Пгр. 1915 г., 3-е изд.
А. А. Павловский.—Значение и успехи классической археологии. Записки Новороссийского университета. 1892, т. 57.
В. К. Мальмберг.—Успехи современной археологии. Ученые записки Юрьевского университета. 1896. № 1.
Ш. Диль.—По Греции. М. 1913.
Ch. Diehl.—Excursions archéol. en Grèce. P. 1894 г.
Gardner.—New chapters in Greek History. L. 1892.
А. А. Спицын.—Археологические разведки. Спб. 1908.
А. А. Спицын.—Археологические раскопки. Спб. 1910.
F. Köpp.—Archäologie 1—3. Lpz. 1911. Samml. Göschen. №№ 538—540.
J. de-Morgan.—Les recherches archéologiques, leur but et leurs procédés. P. 1906.
W. Déonna.—L'archéologie, sa valeur, ses méthodes 1—3. P. 1912.
Fl. Petrie.—Methods and aims in archaeology. 1908.
Sittl.—Archäologie der Kunst (Handbücher von Iwan v. Müller).
В. А. Городцов.—Первобытная археология. Курс лекций. М. 1908.
H. Bulle.—Handbuch der Archäologie. 1913.
Ю. Готье.—Очерки по истории материальной культуры Вост. Европы. Лнгр. 1925.
В. А. Городцов.—Руководство для производства археологических работ.
К. Э. Гриневич.—Как заставить говорить древние камни („Народный Университет на дому“. Лнгр. 1925. Книга 1 и 5).

ГЛАВА I

МЕТОДЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ РАЗЫСКАНИЙ

О Л И М П И Я

Исходным примером для изучения методов археологического исследования мы берем правительственные германские раскопки в Олимпии, которые происходили в промежутке от 1875 по 1881 г. Хотя это были не первые раскопки широкого размаха, так как раскопки Шлимана в Трое шли уже с 1870 г., а в 1873 г. и Австрия производила археологические разыскания на о-ве Самофракии, но тем не менее олимпийские раскопки являются наиболее благодарным материалом для исходных штудий, так как исследователь в них имел дело с максимумом предварительных сведений.

Олимпия находится в Греции, в западной части Пелопоннеса, в местности Элиде. Здесь во II веке нашей эры путешествовал Павсаний, который составил художественно-археологический путеводитель по всей Греции. Это описание сохранилось до наших дней и, конечно, исследователю надо было прежде всего обратиться к „Описанию Эллады“ Павсания. Так он и сделал.

Описание Олимпии, ее истории и древностей занимает большое место в труде Павсания. Из 10 книг—две, а именно V и VI посвящены Элиде и, конечно, преимущественно Олимпии. Здесь описание ведется так: прежде всего Павсаний дает краткий исторический очерк страны (гл. 1—4), при чем под историей подразумевается мифология, затем описывается путь в Олимпию (гл. 5—7) и, наконец, автор переходит к описанию Олимпии, начиная его с описания Алфея. Павсаний дает подробную историю олимпийских игр (гл. 7—10) и затем переходит к описанию топографии и к описанию по частям всего священного участка Олимпии. Заканчивается все описанием окрестностей Олимпии (гл. 21—26 VI книги¹).

Все описание настолько подробно и сделано настолько добросовестно, тщательно и на основании личного знакомства с местностью, что здесь всю Олимпию можно было топографически представить и без производства раскопок. Павсаний даже дает размеры святилищ и др. вотивных памятников, которые находились в этом центральном музее Эллады.

И, действительно, были попытки воспроизвести описание Олимпии только по описанию Павсания. Назову знаменитое произведение эпохи XVIII века—роман аббата Barthélémy—*Voyage d'un jeune Anacharsis en Grèce* (1790 г.). В нем дано блестящее живое описание Олимпии, ее храмов, статуй и пр. Приложенный к роману атлас дает план Олимпии, но, разумеется, точности нельзя требовать от плана воображаемой, на основании только письменного описания Павсания, Олимпии.

¹ Есть специальные археологические комментированные издания Павсания: Fraser's—*Pausania's Description of Greece* VI тт. и Hitzig-Blümner'a—*Pausaniae Descriptio Graeciae* с греческим текстом и комментарием на немецком языке. О Павсании см. Gurlitt—*Über Pausanias*. Переведен Павсаний на русский язык Г. Янчевецким.—Павсания описание Эллады. Спб. 1887—89.

Например, стадион на нем находится не на восток, как констатировано раскопками, а на запад от священного участка.

Были, кроме того, еще попытки графически представить скульптуры фронтонов храма Зевса только на основании одного описания: Эрнст Курциус, один из главных организаторов раскопок в Олимпии, за 23 года до раскопок произнес на заседании Научного Общества в Берлине речь об Олимпии и о необходимости раскопок. В этой речи¹ Э. Курциус говорил, полный воодушевления и благоговения к этому священному для греков месту, о гимнастических состязаниях и их значении в Греции, об истории Олимпии, о произведениях искусства, таящихся в священной почве, под илом Алфея толщиной в 16 футов! Говорил он о фронтонах храма Зевса: „Французскими раскопками в Олимпии 1829 г., читаем мы у него, найдены от статуй Алкамена и Пэония только самые незначительные куски. Все остальное лежит еще под слоем песка в 16 футов. Но в обеих группах фронтонов, при всем разнообразии и богатстве движения, господствует такая простота и ясность, что даже при самом сухом описании большие треугольные поля как бы сами заполняются живыми фигурами². В переднем фронте, как раз под золотою Никой, мы видим Зевса, дарующего победу; рядом с его высокою фигурою по ту и другую сторону—герои страны, их смертные спутники, нетерпеливые кони с их нагнувшимися конюхами и, наконец, удобно расположившиеся божества рек, воды которых окаймляли священное место ристалища“. На таблице, приложенной к тексту этой лекции, Э. Курциус изобразил попытку графической реконструкции восточного фронтона. Кроме своей, автор привел еще реконструкции Фелькель-Шнорр фон Карольсфельда и Катрмер де Кенси, при чем реконструкция последнего очень близка к истинной реконструкции, основанной на раскопочных данных. Все эти рисунки очень удачно сопоставлены с данными раскопок на одной таблице en regard, приложенной к труду проф. В. К. Мальмберга—Древне-греческие фронтоновые композиции. Спб. 1904³, табл. XII—XIV, рис. 1—3, срв. рис. 5.

Все эти нами приведенные попытки реконструкций говорят, во-первых, о громадном интересе к Олимпии среди ученого мира Запада со времени XVIII века, во-вторых, о конкретности Павсаниева описания.

Сейчас нам будет небезынтересно проследить за укреплением в умах западно-европейских ученых мысли о необходимости раскопок Олимпии. Сохранилось письмо известного французского писателя Монфокона к своему другу, архиепископу о-ва Корфу Квирини. „Корфу, говорит Монфокоп⁴, древняя колония коринфян, полна античных памятников, особенно надписей, почти все—на дорическом наречии. Зант и Кефалония также полны ими. Но что все это значит в сравнении с тем, что можно найти в области Мореи, близкой к этим островам (т.-е. западной части Пелопоннеса)? Это—древняя Элида, где праздновались олимпийские игры, где воздвигались бесчисленные памятники в честь победителей, статуи, барельефы, надписи... Несомненно, олимпийская почва ими насыщена и, нужно заметить, никто еще не копал эту местность...“ Эти пророческие слова, которым было суждено сбыться в 1875—81 гг., были написаны в 1723 году, т.-е. за 152 года до олимпийских раскопок!

В 1767 г. Винкельман в „Примечаниях“ к своей „Geschichte der Kunst des Alterthums“⁵ говорит убежденным языком о необходимости

¹ E. Curtius, Olympia. Ein Vortrag. Berl. 1852.

² Это описание исходит исключительно от описания Павсания.

³ Напечатано в „Записках Классич. Отдел. Русск. Археол. Общества“ т I и отдельно.

⁴ Correspondance inédite de Mabillon et de Monfaucon avec l'Italie P. 1846, III, 214.

⁵ Anmerkungen zur Geschichte d. Kunst des Alterthums, I, 84.

ехать в Грецию, в Элиду, и произвести раскопку Олимпии: „Я убежден, говорит он, что добыча превзойдет всякие возможные представления и что посредством точных раскопок будет пролито в область искусства много света“.

Ответом на этот призыв Винкельмана, страстного эллиниста и историка искусства, через 54 года на страницах *Gotta's Kunstblatt*¹ появляется план Зикклера — подпиской собрать нужную для раскопок сумму, произвести раскопку всей Олимпии, все найденные памятники перевезти в Германию и создать музей имени Винкельмана. Этот план поддерживали К. О. Мюллер и А. Бек, выдающиеся первоклассные эллинисты своего времени.

Но восстание греков разрушает приведение в исполнение этой заветной мечты Винкельмана. Бурные годы начала второй четверти XIX века принесли много нового: начинается не только априорное, кабинетное изучение Олимпии, — делаются попытки на месте произвести предварительные археологические разыскания. Начала им, правда, положены еще тоже в XVIII веке в трудах путешественников, ездивших на Восток с научно-исследовательскими целями. Здесь, прежде всего, следует упомянуть англичанина *Chandler'a*, ездившего в 1776 г. в Грецию и давшего первую картину действительного состояния Олимпии². Путешественник совершенно правильно определил положение Олимпии и нашел развалины храма Зевса еще в хорошем сравнительно состоянии. По предложению Шуазель-Гуффье в 1787 г. Фовель дает первый эскизный план долины Алфея и расположения Олимпии, при чем стадион помещает на запад от Альтиса (*Barthélémy* повторил его ошибку³).

Война греков за независимость пробудила в Западной Европе особый интерес к древней Элладе, и французское правительство в 1829 г. снарядило специальную научную экспедицию в Морею для изучения остатков древностей и производства археологических разведок. Результаты этих работ опубликованы в трехтомном издании „*L'expédition scientifique de Morée 1829—30*“. Результаты экспедиции были громадны; несколько месяцев она провела в долине Алфея, стоя лагерем на холме Кроноса.

В Олимпии закипела жизнь. Исходным пунктом исследования были еще торчавшие из земли руины храма Зевса. Они были зарисованы, замерены, были произведены даже раскопочные земляные работы в целях нахождения остатков храмовых скульптур, были найдены обломки метоп. Жаркая погода, сопровождающаяся лихорадками, заставила экспедицию ограничиться только храмом Зевса и суммарным снятием на план всего священного участка. Но главное было сделано: руководствуясь географическими указаниями Павсания, была найдена действительная Олимпия. Дальнейшим шагом являлась бы организация настоящих научных раскопок всего участка.

И, действительно, со времени издания трудов этой экспедиции, к Олимпии возрос общественный интерес. Так, в 1836 г. Олимпию у греческого правительства хотел купить кн. Пюклер-Мускау, который предполагал ее всю раскопать, затем раскопанное реставрировать и устроить себе своеобразную виллу-музей.

Надо благодарить судьбу, что этот план не осуществился.

Наконец, в 1814 г. в Любеке в образованной бюргерской семье родился человек, с именем которого неразрывно связаны раскопки Олимпии, который Олимпию с детства сделал своей мечтой — это Эрнст Курциус⁴.

¹ 1821 г. №№ 2—4, статья *Sickler'a*, *Gymnasial Direktor zu Hildburghausen*.

² *Chandler*. — *Travels in Greece*. Oxford, 1776, 294.

³ *Barthélémy* мы цитируем по 4 изд., Paris. An XII=1804 г. t. III, ch. 38 и сл. p. 450 sqq).

⁴ *Ernst Curtius*. *Ein Lebensbild in Briefen*. Изд. F. Curtius. 2 изд. 1913. 2 тт. В. Бузескул в „Филол. Обзор.“ XI, 1896 г.

насыпи 1-го слоя были раскопаны еще в 1910 г. Таким образом, в 1913 г. было исследовано все пространство только до глубины залегания античных мостовых 1-го слоя¹. В квадратах №№ 87—91 и в западных частях квадратов 95—99 были исследованы также 1-ый и 2-ой слои, а отчасти (в №№ 87—91) начато исследование 3-го и 4-го слоев.

В 1914 году, когда, вследствие мобилизации была приостановлена раскопка на полдороге, были раскопаны 3-ий и 4-ый слои в западных частях квадратов 95—99 и слои с 1-го по 4-ый в восточных частях тех же квадратов. В 1915 г. во время последней раскопочно-й кампании, в виду полного отсутствия рабочих рук, производились только раскопки кладбища.

Благодаря квадратно-послойному методу снятия пластов земли получается полная возможность следить за обнаружением слоев и с наибольшей легкостью выявляется картина всех обнаруживаемых остатков древности. Единственным неудобством является частая передвижка рельсового пути по мере углубления. Как правило, перед каждым уничтожением даже незначительной древней кладки она фотографируется и наносится на план. Необходимо составлять план каждого слоя с точнейшим нанесением на него всех, даже ничтожнейших, остатков древности. Результаты раскопок 1912—14 гг. сводились к частичному открытию верхних слоев (до 4-го), но начертить общую картину не представлялось возможным, в виду слишком малой площади раскопа, которая задела только небольшую часть сооружений этого слоя. Но зато эти раскопки выяснили историю залегания слоев. При раскопках 2-го слоя во многих местах обнаружались следы большого пожара, от которого, очевидно, погибли обнаруженные раскопками здания 2-го слоя. Следы пожара в общем оказывались на глубине около 0,50 м. ниже уровня мостовых 1-го слоя. Таким образом, становится очевидным, что после пожара сгоревшие здания 2-го слоя не были восстановлены и оставались в течение некоторого времени заброшенными, отчего развалины и покрылись мало-по-малу слоем насыпи, достигшей 0,50 м.

Жизнь возобновилась здесь в эпоху 1-го слоя, но новые строители созидали свои сооружения, не расчищая накопившейся насыпи, а прямо на ней.

Послойные раскопки позволяли подробно следить за составом насыпи. Так, насыпь 1-го слоя была вся потревожена грабительскими ямами и благодаря этому в ее состав входят предметы из более глубоких слоев. Она вся насыщена культурными остатками разных периодов существования Ольвии. Насыпь 2-го слоя была влажная, плотная, со множеством черепков глиняной посуды. В верхних частях (над мостовыми) она, как это обычно наблюдается и в других слоях, была более темная, чем в нижних (ниже мостовых). Толщина 2-го слоя достигает 1,90—2,15 метра². 3-ий слой раскопками 1913—14 годов был затронут только отчасти и полностью не исследован. Только на очень небольшом пространстве обнаружены были остатки стен зданий и мостовых третьего слоя. Засыпь 3-го слоя была вообще влажная, черного цвета. Толщина слоя в различных местах была различная, от 0,75 м. в квадрате № 96 и 97 до 1,07 м. в кв. № 89. Толщина 4-го слоя—1,50 м. Такова же и толщина 5-го слоя. В виду незначительности исследования говорить об этих слоях более подробно не приходится.

Таким образом, раскопки Археологической Комиссии в Ольвии, собственно говоря, только начались. Можно сказать, что руководителю

¹ Квадраты №№ 87—91, 95—99, 103—107, 111—115, 119—123, 127—131, 135—139; сведения взяты из Отчета Археол. Ком. за 1913—15 гг. (Пгр. 1918).

² Считая от уровня фундаментов зданий 1-го слоя до уровня фундаментов 2-го слоя, которые заложены в грунте и на остатках кладок 1-го слоя.

этих раскопок проф. Б. В. Фармаковскому удалось блестяще провести предварительную разведочную кампанию 1902—1908 годов и удалось только начать систематическую раскопку нижнего приречного города. К сожалению, события политического характера положили конец этой культурной работе. Метод „квадратно-послойного снимания“ почвы, чрезвычайно удобный для научного протоколирования всех находок и научной фиксации общей картины послойного залегания древностей, страдает двумя недостатками: крайней медленностью и тяжеловесностью, а также крайней дороговизной: этот метод требует значительного числа рабочих рук и, в виду раскрытия сразу большой площади, требует возможно полного, до конца раскрытия всех слоев. При траншейном методе, менее научном во всех отношениях, достигается меньшая затрата сил и имеется возможность прекратить исследование даже небольших участков всей площади. Благодаря неизбежным особенностям этого метода исследование городской территории подвигалось вперед крайне медленно. В самом деле, в течение шести полных кампаний (с 1909 по 1914 г.) была расчищена очень небольшая площадь, быть может, одна сороковая часть всей городской территории... Но зато исследователь может гордиться, что ни Олимпия, ни Троя не исследовались так исчерпывающе-детально, с обращением сугубого внимания на каждый слой. Пусть понадобится вдвое больше времени, но зато хоть один греческий город будет исследован с возможной полнотой. Так следует раскапывать согласно научным принципам, завещанным нам замечательными критскими раскопками англичанина А. Эванса, на практике впервые применившего этот строго научный метод „квадратно-послойного снимания“ древних культурных пластов.

В заключение нам хотелось бы два слова сказать о методах раскопок отдельных погребений и сплошных некрополей. В Ольвии, помимо раскопки города, одновременно шла раскопка обширного „города мертвых“. Раскопка некрополя давала большое число древней посуды, терракот и прочей утвари, которую в силу обычая и потребностей культа ставили в могилу близкие усопшего.

Но как определить присутствие в земле древней гробницы, когда на поверхности земли нет ровно никаких к тому примет? Для этого в Ольвии и в Керчи применяют очень остроумный способ, придуманный ловкими керченскими и ольвийскими „счастливыми“¹: для определения, есть ли в данном месте в земле гробница или нет, в нескольких местах, обычно в шахматном порядке, буравят землю особыми стальными буравами, носящими название „щупы“. Этот инструмент имеет в длину около сажени. Благодаря „щупу“ из глубины 1—2 аршин добывают щепотку земли. Если в данном месте нет никакой гробницы, ямы, словом, земля не была потревожена никем и никогда, то она должна лежать определенными слоями геологического происхождения. Это называется „материк“ и, следовательно, в этом случае копать в этом месте бесполезно. Но если когда бы то ни было в данном месте земля была потревожена устройством ямы, гробницы и т. п., то ясно, что потревоженная лопатой земля не будет лежать материковыми слоями—она будет перемешанной и имеет определенный, более темный цвет. На местном языке это называется „засыпь“. При находке засыпи дополнительными ощупываниями почвы устанавливаются границы „засыпи“ и после этого начинают копать яму по указаниям засыпи. Разборка самого костяка и констатирование гробничного инвентаря обязательно должно происходить в присутствии ответственного научного сотруddника, ведущего строгий протокол всей раскопке. Часто бывают

¹ Так называют на юге СССР кладоискателей.

находки предметов и в „засыпи“ самой гробницы,—что заставляет быть внимательным во все время рытья гробничной ямы.

Такой способ находки могил, строго говоря, нельзя назвать научным, так как он не гарантирует пропусков целых групп могил. Другой способ, к которому прибегали исследователи при раскопках, например, сплошных могильных насыпей в окрестностях станции Сенной, около городища города Фанагории на Таманском полуострове, в Херсонесе Таврическом и др. местах, это—раскопка „плантажем“, т.-е. с определенной площади земли снимается верхний слой. Свеже-обнаженная подпочва дает темные пятна на месте древних ям и могил. Но этот способ, разумеется, более дорогой и может быть применяем только в расследовании сплошных могильников.

Раскопка курганов ведется обычно траншеей, перерезающей курган пополам, с последующей тщательной разработкой отдельных частей курганной насыпи. При раскапывании необходимо твердо помнить, что раскапываемый памятник тем самым навеки уничтожается, поэтому необходимо принимать все меры к беспристрастному, точному и подробному изучению всего, констатируемого раскопкой, с тщательной фиксацией путем фотографирования, снимания на план и т. п. таким образом, чтобы по планам, записям и фотографиям можно было бы в точности восстановить все обстоятельства раскопки в их последовательности¹.

В этом смысле чрезвычайно полезно иметь план с сеткой, на которую накладывается калька. Помимо главного сводного плана таким путем мы можем легко получить планы отдельных слоев.

Наличие этих отдельных планов лучше выясняет картину отдельных слоев.

¹ Относительно метода раскопки курганов отсылаем к нашей работе, помещенной в 5 книге „Народного Университета на дому“ (Ленинград, 1925).

МЕТОДЫ НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ

В этой главе на двух примерах показаны приемы исследования: гробничного инвентаря со сложной датировкой самого погребения и отдельного памятника, об обстоятельствах находки которого, кроме местонахождения, мы почти ничего не знаем. На этих примерах показано, что значит „издать“ памятник. Конечную целью этого „издания“ мы считаем показать во весь рост значение данного памятника, как выпавшего звена из культурно-исторической цепи, датировать его во времени, затем показать его связь с определенным местом, связь с определенной культурной средой. Исследовательская работа над памятником, в общем, может быть сведена к следующей схеме:

1. Объяснить, почему мы этим памятником занялись. Выяснить значение памятника с бытовой, историко-художественной, социально-политической и др. точек зрения. (*Raison d'être* исследования).

2. Сумма наших сведений об изучаемом памятнике. Точное и обстоятельное описание условий находки, которые представляют необходимое окружение, часто помогают разрешить важные вопросы назначения и датировки памятника.

3. Описание памятника. Дать его размеры, подчеркнуть в памятнике все самое характерное, особенности его формы, его украшения. Описание должно быть объективным, точным и давать полное представление о памятнике.

4. Современное состояние памятника, его сохранность, где он находится, где он издан. Литература о памятнике.

5. Историко-художественный анализ памятника. Анализ его стиля. Привлечение датированных аналогичных памятников (близких по стилю). Анализ техники памятника. Аналогии.

6. Датировка памятника, т.е. его хронологическое определение. Когда он создан, при каких обстоятельствах (художественно-исторических, социально-политических и экономических), где место его изготовления; отношение к месту его находки (например, к гробнице, городищу и т. д.).

7. Выводы (значение памятника, как историко-художественного и бытового явления).

Начертанная схема, разумеется, является только примерной. Более сложные исследования с привлечением многих памятников строятся несколько иначе, но в общем и они могут быть сведены к вышеприведенной схеме. Образцом такого сложного исследования может служить наш первый пример—исследование керченской гробницы. На этом примере можно изучить приемы сложной датировки, когда датирующими элементами являются отдельные, но вместе найденные памятники. Дата погребения выводится на основании сравнительного анализа всех найденных предметов. Этот пример приведен в начале главы потому, что он использует полное количество данных; известны обстоятельства его раскопки, легко определимы части его инвентаря. Вторым примером берем образец восстановления большой художественно-

исторической концепции на основании изучения ничтожного обломка, при чем обстоятельства находки почти ничего не дают для датировки памятника. На этом примере лучше всего изучить сравнительный метод стилистического анализа и метод реставрации памятника по сохранившейся его части.

РАСКОПКА МОГИЛЬНИКА

Для примера раскопки могильника мы берем одну неизданную до сих пор могилу, открытую в Керчи в 1920 году. Она интересна тем, что дает возможность показать, как можно определить время погребения даже в том случае, если в гробнице нет монеты.

Керченская гробница была найдена 27 сентября 1920 года описанным выше способом посредством шупа. Она находилась на южном склоне горы Митридата, на расстоянии 110 м. на запад от II кресла Митридата, как называют второй скалистый выступ.

Раскопанная могила находилась на глубине одного метра от поверхности земли. Костяк лежал головой на север. В слое земли, покрывавшей могилу, были найдены: обломок глиняной чашечки с выпуклыми рисунками (так называемой „мегарской чашки“) какой-то птички, покрытый плохим, тусклым черноватым лаком, затем обломок маленького флакона для душистого масла (так называемого „лекифа“), простая чашечка из обожженной глины, раздавленная, и медный, сильно окислившийся, небольшой ножик без черенка. Вся гробница была составлена из огромных, прекрасно обожженных четырехугольных черепиц, и ими же была перекрыта, 4 черепицы имели фабричные клейма, доказывающие их происхождение из Феодосии. По снятии верхних черепиц и по удалении земли, наполнившей ящик, могилы был обнаружен сильно истлевший костяк человека, лежавший на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. При остове были найдены следующие предметы: в головах покойника стояла глиняная миска с крышкой (так называемая лекана), рядом лежали кости какой-то птицы, несомненно, остатки пищи. Здесь же, рядом с леканой, у левого виска костяка находился кубок для питья вина, покрытый плохим бурым лаком, который характерен для сосудов эпохи так называемого эллинизма, т.-е. эпохи культурного смешения греческой культуры с восточными (начиная с Александра Македонского). Этот кубок покрыт продольными полосками, проведенными чем-то острым.

На этом кубке был найден маленький золотой кружок с выдавленными на нем точками. Быть может, этот кружок был прикреплен к ремню, совершенно истлевшему, или, быть может, является принадлежностью еще какой-нибудь мелкой, совершенно не сохранившейся вещи. У правого плеча костяка, отверстием к плечу, лежала ваза с двумя ручками, так называемая пелика. Особенностью этой вазы является ее рисунок, который покрывает туловище вазы. Он исполнен водяной краской и изображает, на одной стороне вазы — голову лошади и женщины, на другой, повидимому, представлены две мужские фигуры. На правой плечевой кости покойника была найдена простая пряжка из меди, скреплявшая надетый на нем плащ. Здесь же была найдена крохотная золотая бусинка, величиною с булавочную головку, быть может, и действительно, головка от истлевшей железной булавки.

Далее, на высоте правой тазовой кости были найдены жалкие остатки переделанного ржавчиной ножа, несомненно, висевшего на боку, как подручное оборонительное оружие. На левой руке покойника, на четвертом пальце было надето простое медное кольцо. Кроме этих предметов, в гробу, т.-е., вернее, внутри черепиц больше ничего не

оказалось. Вопрос о том, был ли деревянный гроб открытый, — неразрешим, так как от него решительно ничего не оказалось. Следует сказать, что погребения в черепичных футлярах, повидимому, совершались без гроба, так как ни разу при многократных находках подобных могил не было заметно следов деревянного гроба. Пересыпав через грохот (особое железное решето для просеивания мелкой земли) могильную землю, археолог приступил к осмотру черепиц и здесь, к немалому его удивлению, он заметил еще три предмета, положенные с наружной стороны черепичной коробки возле правого плеча костяка: это была маленькая глиняная чернолаковая коробочка, в которой хранились разные мелочи, пудра и проч. Это — пиксида, коробочка для туалета. Рядом с ней лежал алебастровый черенок от небольшого ножа, совершенно разрушенного ржавчиной, и рядом же лежала небольшая глиняная круглая мисочка, такой же формы и величины, как и найденная в засыпи могилы, т.-е. в слое земли, покрывавшей гробницу.

Следует заметить, что раскопки керченских могил нам показывают примеры подобных приношений предметов, которые находятся вне гроба. Как раз в 1908 году в могиле № 42 (см. Известия Археологической Комиссии, вып. 40) за черепицей гробницы была найдена чернолаковая чашечка. Размеры изучаемой гробницы: длина — 1,78 м., ширина — 0,63 м., глубина — 0,46 м.

Эта гробница интересна для нас тем, что мы, хотя в ней и не находим монеты, все-таки можем, хотя бы приблизительно, определить время ее сооружения, т.-е. установить, как говорят, ее дату. Для этого следует остановиться на некоторых памятниках, происходящих из этой гробницы, прежде всего, на кубке, затем на акварельной вазе с двумя ручками и на туалетной пиксиде. Кубок, как мы уже сказали, является довольно типичным произведением эпохи III—II века до нашей эры. Путем сопоставления разных музейных памятников этого же рода можно доказать, что этот кубок должен относиться к позднейшим временам греческой культуры, но еще до появления римлян, как новых организаторов мирового государства.

Наш кубок имеет около 10 сантиметров высоты и 7,6 сантиметра в диаметре под ручками. Совершенно ясно, что этот кубок имитирует металлический, что именно характерно для эллинистической эпохи. Словом, особенности этого памятника заставляют датировать его второй половиной III века (250—200 гг. до р. X.).

Ваза с двумя ручками (пелика) особенно важна для определения времени: дело в том, что акварельная разрисовка ваз появляется только тогда, когда краснофигурные вазы являлись недоступными. Это происходило потому, что по военным обстоятельствам того времени была прервана торговля с Афинами, тогдашним высоко-культурным центром. В Керчи было найдено несколько склепов с повторными погребениями, при чем первоначальное имело краснофигурную вазу, а вторичное погребение имело такую же вазу, но расписанную в подражание краснофигурной акварельными красками¹. Вот эти склепы учат нас тому, что вазы с акварельной живописью, являясь подражанием исчезнувшему краснофигурным вазам, появляются непосредственно вслед за афинскими вазами. Если последние исчезают вскоре после потери Афинами политической независимости, т.-е. в середине III столетия до нашей эры, то сейчас же появляются акварельные вазы. И они исчезают только тогда, когда появляются вазы с рельефной (выпуклой) живописью. Таким

¹ См. Изв. Арх. К., вып. 47, стр. 11 (могила № 35). Часто аквер. пелики находили с поздними краснофиг. лекифами с пальметкой и сеткой. См. Изв. АК. вып. 7, Отчет 1901, мог. 24; там же, вып. 30, Отчет 1906, мог. 98; вып. 47, мог. 17 и 34.

образом, акварельные вазы существуют с 250 по 150 годы до нашей эры. Придя к этому выводу, нам следует еще остановиться на большем уточнении нашей датировки. Этому может помочь та глиняная коробочка с крышкой, которую нашли за пределами черепичной коробки гроба. Она представляет собою круглую коробочку в форме цилиндра, поставленную на круглое блюдечко. Эта коробочка сверху покрывалась особой крышкой также в форме цилиндра, поверх которого мы видим как бы опрокинутое блюдце. Эта крышка и блюдце покрыты особенным орнаментом (украшением) в виде рисунков, сделанных накладной глиной по черному лаку, которым покрыта вся пиксида. Но этот лак не первоклассный, он не очень блестящий и обладает тусклым графитовым отблеском.

По качеству лака можно определить время изготовления этой посуды. Чем блестящее лак, тем древнее ваза. Посуда V и IV столетий отличается великолепным, густым черным лаком, а посуда конца IV и III веков покрыта плохим, тусклым лаком. Именно таким лаком и покрыта пиксида нашей разбираемой гробницы. Следовательно, пиксида относится к эпохе эллинизма, т.е. началу III века до р. Х. Вывод: гробница должна быть датирована серединой III века.

В это время на территории Керчи была древнегреческая колония Пантикапей, столица эллино-скифского Боспорского царства. Середина III века нам известна, как время большого экономического процветания этой страны. Эллинистические государства, процветавшие на востоке, враждовали тогда друг с другом и позволяли царькам Боспора распространять безбоязненно свою власть все дальше, в сторону Кавказа и Крыма.

ОБЛОМОК АТТИЧЕСКОЙ КРАСНОФИГУРНОЙ КОТИЛЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АПОЛЛОНА ИЗ КЕРЧИ

Нам посчастливилось в 1921 году случайно найти этот обломок во время прогулки по горе Митридата, в Керчи. Обломок вывалился из культурного слоя, повидимому, под влиянием дождя, размывшего северный склон горы. Обломок, насколько это можно было установить, происходит, таким образом, из жилого мусора древнегреческого города Пантикапея, бывшего некогда на месте Керчи. Обломок разбит на две части (излом свежий). Размеры всего обломка следующие: наибольший диаметр—0,043 м., наименьший диаметр—0,032 м., толщина—0,003 м.

Так как обломок представляет по своей форме неправильную трапецию, то необходимо дать размер каждой стороны. Сторона, некогда служившая закраиной сосуда (обломок представляет верхнюю часть какого-то широко открытого сосуда), имеет длину 0,036 м., следующая (направо от зрителя) сторона имеет 0,04 м., следующая—0,029 м. и, наконец, самая меньшая сторона—0,012 м. С внутренней стороны, которая легко узнается по выпуклости всего черепка, обломок покрыт великолепным, густым черным лаком. Судя по одному лаку, густому и ярко блестящему, черепок должен быть датирован лучшей порой греческого искусства и техники. Наружная сторона обломка также покрыта таким же черным, густым лаком, представляющим собой фон для уцелевшей части какого-то изображения, сделанного красным по черному. Рассмотрим поближе, что нарисовано на лицевой части обломка... Посмотрите на прилагаемый рисунок, и вы увидите, что уцелела только верхняя часть какой-то юношеской фигуры (по грудь). Голова юноши обращена налево, на ней надет лавровый венок; волосы изображены завитыми, густые пряди спускаются на спину, а одна выбилась на грудь. Это не просто: художник этим хотел

подчеркнуть сильное и внезапное движение направо. Волосы на лбу также представлены завитыми; кокетливые локоны падают на лоб, а три из них падают на висок. Лицо юноши показано в профиль. Очень тонко нарисованы черты лица. Под удивленно и несколько гневно поднятыми бровями художник нарисовал глаз юноши, прямо устремленный на кого-то направо от себя. Интересно отметить, что глаз нарисован также в профиль, т. е. совершенно правильно, как мы его видим при этом повороте головы. Значит, художник умел рисовать. А из истории греческой вазовой живописи мы знаем много ваз, рисунки на которых нам показывают, что греческий художник очень долго не умел рисовать, как следует, человеческого глаза. Полное овладение рисунком также является своего рода датирующим обстоятельством для обломка.

Прямая линия лба и носа, несколько приоткрытые губы, как будто что-то говорящие,—все это свидетельствует о большом мастерстве художника. Также хорошо изображено тело юноши, вернее, его сохранившаяся часть. Правая его рука чуть поднята. Через правое плечо перекинут плащ. Мастер рисунка еще не отошел от чисто, так сказать, линейной передачи тела: все мышцы груди, а также все видимые углубления на месте ребер художник передал линиями, а ребра—чрезвычайно своеобразно: ребра переданы в виде как бы щипцов... ничего другого более подходящего для сравнения нельзя подобрать. Совершенно так же изображены ребра на одной вазе, где изображен Тезей, замахивающийся двуострой секирой¹. Это сходство, а также другие, упоминавшиеся выше, особенности рисунка (некоторая строгость в передаче лица) говорят за то, что мы имеем перед собой произведение художника после 460 года до нашей эры, т. е., другими словами, художник работал в духе мастеров развитого, но еще строгого стиля². Но, кроме фигуры юноши, на обломке мы видим слева от зрителя часть какого-то предмета; при сравнении с изображениями на других древних вазах мы узнаем в этом предмете верхнюю часть священного треножника, к которому был прикреплен лебет (нечто вроде котла или таза³). Раз это так, то мы во всем рисунке можем видеть часть какой-то целой картины или, как говорят, композиции. Что это так, мы можем сами убедиться, сравнив наш обломок с вазой, которая находится в Британском музее⁴. На ней мы видим изображение такого же юноши, как на нашем обломке. Этот юноша старается вырвать у своего соперника слева (от зрителя) треножник. Это давно знакомая историкам искусства сцена спора между богом солнца Аполлоном (юноша) и героем Гераклом из-за треножника. Нет смысла описывать подробно, в чем дело. Скажем вкратце: у главного греческого бога Зевса был его любимый сын Аполлон. Но помимо этого „законного“ сына был у Зевса еще „незаконный“ сын от одной смертной женщины, по имени Геракл. Этот последний однажды, так рассказывали греческие жрецы в религиозном центре Греции—в Дельфах, поспорил с самим Аполлоном из-за очищения за совершенное им убийство. Не долго думая, Геракл похищает священный треножник, на котором в Дельфах восседала жрица, изрекавшая „божественную“ волю под влиянием ядовитых паров, выходявших из расселины скалы. Но Аполлон вступился за попорченную

¹ Обломок стамноса Берлинского музея с изображением Тезея. Arch. Ztg. 1883, табл. 17, 1—2. Reinach, Repert. I, 450, 3—4. Ср. изображение Тезея на олимпийском фронтоне.

² Ср. Луврский кратер с Ниобидами, ср. Walters, Hist. of anc. pott. I, 442. Ср. Капуанскую гидрию с изобр. Аполлона—Reinach, I, 184.

³ Ср. Reinach.—Repert. des vases peints I, 97, 2; II, 46, 5. Ср. каталог ваз Брит. музея (Smith) III, E, 458 (стр. 280).

⁴ По каталогу Smith III, E, 318.

„честь“ святилища и стал отнимать уносимый Гераклом треножник. Вот эта-то борьба и представлена полностью на вышеприведенной вазе, а часть этой композиции и составляет содержание рисунка на нашем керченском обломке. Мы не будем входить в подробное рассмотрение значения этого древнего сказания. Повидимому, перед нами в иносказательной форме рассказ о каких-то старинных распрях между древними родовыми организациями...

И так, даже по малому остатку треножника и по позе юноши мы можем, на основании музейного материала, с достоверностью утверждать, что наш обломок некогда составлял часть вазы, на которой был изображен спор Аполлона с Гераклом.

Глина черепка—очень высокого качества, прекрасно размешанная, красноватого цвета, с небольшими блестками слюды. Это, несомненно, насколько мы знаем вазы, подлинно происходящие из Аттики,—аттическая глина. Таким образом, обломок является частью вазы, сделанной в Аттике, а может быть, и в главном центре этой области—в Афинах.

Какова же должна быть форма вазы, частью которой является наш обломок? Для этого мы должны знать величину изгиба, даваемого закраиной обломка. Зная, так сказать, часть искомой окружности, уже нетрудно найти ее радиус. Это одна из простых задач геометрии... Словом, наш обломок, на основании произведенного решения этой „геометрической“ задачи, должен был принадлежать вазе, чрезвычайно напоминающей по своей форме нашу миску, с широким горлом и с двумя ручками. Это „котила“, как ее называли греки. Она употреблялась во время пирушек для питья вина. Можем прибавить, что на подобных вазах обычно изображение таких картин. Котила должна была иметь диаметр верхней части приблизительно около 15 сантиметров.

Вот как по малому обломку, если имеется под руками материал для сравнений, можно восстановить целое, давно уже уничтоженное временем. Но это не все. Надо заставить обломок, помимо того, что он уже дал, еще рассказать нам об эпохе, об экономике ее, о социально-политических моментах, продуктом которых он явился.

Тот факт, что обломок является продуктом заграничного, греческого производства эпохи около 460 года до нашей эры, для нас уже много говорит. Значит, в эту эпоху, когда в Афинах было правление Кимона, а потом „первого гражданина“ Перикла, уже были какие-то торговые сношения с далеким Крымом, с городами керченского пролива... Мы должны вспомнить, что соседний с Пантикапеем город Нимфей (там, где теперь деревня Эльтиген) тогда еще был независим от Пантикапея и входил в Аттический морской союз. Вспомним также, что сам Перикл во главе сильного флота появлялся в Черном море, чтобы показать всем врагам силу и мощь афинского флота... Это показывает, что Перикл понимал все значение для малопродуктивной Аттики причерноморских степей... их богатства и манили сюда греков. А Пантикапей являлся, своего рода, ключом к завладению и к экономическому господству над степями. Этот обломок дает материальное подкрепление факта торговых сношений Афин с далеким Пантикапеем, подтверждая фактически правдивость вышеперечисленных исторических сведений. Далее, эти вазы для питья вина были очень дороги и поэтому вряд ли были доступны для бедного люда. Факт привоза подобной вазы говорит, во-первых, за то, что был на них спрос. Другими словами, перед нами предмет обихода господствующего класса Пантикапея. Во вторых, факт привоза говорит нам за то, что на этой далекой окраине тогдашнего культурного мира, который сосредоточен был по берегам Средиземного моря, процветала греческая культура, хотя и у богатого класса, так

что даже пирные чаши привозили и был смысл привозить из далекой Греции... ведь, надо вспомнить, каковы были условия тогдашнего транспорта, когда огромные, бурные моря переплывали бесстрашные купцы на своих триремах, т.-е., по-нашему, просто на больших лодках. Жутко становится, если представить себе, сколько должно было погибнуть в бурных волнах моря этих отважных мореходов...

Наконец, еще один вывод: если подобные вазы были столь дороги, если их доставка стоила, пожалуй, и жизни многих отважных моряков-купцов, то кто же мог оплачивать все расходы по транспорту, т.-е., каковы были те политические внешние условия, при которых был бы смысл привозить из далекой Греции подобные, собственно говоря, мало нужные вещи? Повидимому, должен был быть такой политический строй, при котором в руках немногих должны были находиться большие богатства... Из многочисленных древних надписей, вырезанных на камнях, из свидетельств древних писателей мы знаем, что Пантикапей в V веке, к которому относится наш обломок, представлял общину помещиков и купцов, во главе которой стоял наследственный (выборный раньше) архонт, т.-е. чиновник, заведывавший всем государственным аппаратом. Так как главное экономическое значение области, над которой царствовал Пантикапей, было чисто земледельческое, то ясно, что землевладение стало в центре всего и очень быстро помещики (феодалы) захватили власть в свои руки. Это сосредоточение капитала в руках немногих и повело к тому, что возник большой спрос на предметы роскоши, каким предметом является и наш обломок.

Так много говорит нам о прошлом этот маленький, почти незаметный обломок. Так, собственно говоря, могут говорить для нашего сознания и многие другие памятники. Надо только быть чувствительной антенной для улавливания тех мыслей, тех данных, которые таят в себе даже такие малые обломочки, но которые развертывают перед нами грандиозную картину прошлых страниц истории человечества. Надо только уметь подойти к этим молчаливым свидетелям прошлого, и они расскажут о прошлом лучше и красноречивее всех историков, географов и ораторов древности... Вот почему археология по праву может быть названа наукой будущего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На страницах этой книжки нами были показаны на ряде избранных примеров методы добывания и последующей обработки памятников материальной культуры. Разумеется, число приведенных иллюстрирующих примеров может быть значительно увеличено. Теперь приходится подвести итоги.

Для этого мы остановимся на ошибках методов исследования, как на пункте, наиболее важном для ищущих правильных путей достижения истины в историческом знании. Мы видели, как вредна в человеческой деятельности навязчивая идея, предвзятая мысль, которая стремится в свое Прокрустово ложе уложить факты живой действительности. Ярким примером служит случай с Беттихером и его „Offentheorie“. Не менее вредной является излишняя фантазия, субъективность подхода к памятникам и отсутствие критики, что особенно характерно для деятельности Шлимана. Вспомним только, сколько раз он ошибался, сжигал то, чему только что поклонялся, и т. д.

Вредят делу объективного исследования также слепые предвзятые идеи о греческом совершенстве, идеи, перешедшие по наследству от эпохи романтического идеализма. Особенно страдали этим руководители

олимпийских раскопок. Последнюю крупную ошибку— „недостаток исследования“—мы также должны отметить в троянской и ской археологических кампаниях. Исследователь должен понимать на минуту не забывать о той огромной ответственности, которую несет, можно сказать, пред целым человечеством в деле умножения сокровищницы его исторических знаний.. Он должен твердо помнить, что в большинстве случаев (курганы, гробницы, слои городищ) истинный материал в силу самого процесса его изучения гибнет навсегда. Поэтому исследователь в своих работах должен преследовать след „археологические добродетели“:

осмотрительность;
внимательность;
отчетливость;
объективность;
честность;
истинность показаний;
точность¹.

Разумеется, мы далеки от мысли, что приведенными выше примерами исчерпаны все археологические вопросы. Отнюдь нет. Есть ряд важнейших вопросов в области датировки, реставрации, сохранения памятников, наконец, экспозиции коллекций, которые ждут своего выявления и решения. Но этим вопросам предстоит посвятить особую работу, в виду их важности и богатства затронутых ими материала...

¹ Раскопки Херсонеса, например, несмотря на то, что они ведутся уже 100 лет, до сих пор не дали нам ясной картины жизни древнего города и даже ответа на ряд основных вопросов истории и археологии Херсонеса. Это вследствие того, что раскопка велась хаотично, путем постановки и разрешения ряда частных проблем, затрагивающих Херсонес в целом. В Керчи, например, вся энергия археологов была сосредоточена на раскопку почти исключительно древнего могильника. Правда, этому есть оправдание в виде наличия стихийного кладонскательства.